

Се Синьцзянь не привык попусту терзаться сомнениями: раз уж во всем разобрался, то и юлить или хорониться по углам, как раньше, смысла не было.

Он намеревался держаться как ни в чем не бывало, однако теоретические установки развалились при первой же реальной встрече: непринужденного общения не получалось.

Синьцзянь устроился на диване в ожидании доставки. Ли Вэньсю тем временем расчищал журнальный столик, освобождая место для раков-богомолов.

Впрочем, «расчищать» было громко сказано: даже в поездках у Вэньсю царил образцовый порядок. Никакого хлама — только салфетница да сценарий.

Синьцзянь порывался помочь, но тот уже закончил.

Заметив неловкость юноши, Ли Вэньсю заговорил первым:

— Чем ты ужинал, раз так быстро проголодался?

Синьцзянь и думать забыл, что ел на ужин, а потому отмахнулся:

— Да так... В животе заурчало, я ведь долго гулял.

— Целых два часа, — сдержанно отозвался Ли Вэньсю, но легкая ревность в его голосе все же проскользнула.

Синьцзянь, впрочем, скрытого подтекста не уловил и принялся беззаботно рассказывать, как встретил на побережье Ло Юаньцзе и заболтался с ним.

Вэньсю не перебивал — слушателем он всегда был внимательным, да и голос Синьцзяня любил. Вскоре официант принес поднос с горячими раками-богомолами.

Синьцзянь достал одноразовые перчатки. Стоило ему натянуть одну, как Ли Вэньсю перехватил его запястье.

— Ты чего? — опешил Синьцзянь.

— Ты ведь в прошлый раз укололся о панцирь? — Ли Вэньсю бережно взял его ладонь, разглядывая кончики пальцев. — Зажило?

«Когда это вообще было? Давно всё затянулось, и следа не осталось!»

Синьцянь хотел сказать, что всё в порядке, но язык словно сам по себе выдал:

— Не знаю.

— Не знаешь? — переспросил Вэньсю.

Синьцянь кивнул. Щеки пылали румянцем, но внезапный порыв толкнул его на смущенную дерзость:

— Проверь сам, если хочешь.

Ли Вэньсю сдернул с него целлофановую перчатку и стал внимательно осматривать каждый палец.

Этими руками Синьцянь лазал по деревьям, дрался на улицах, раздавал и получал тумаки. Но никто и никогда не держал их так трепетно, словно бесценное сокровище.

Смущение накатывало волнами, но выдернуть ладонь не поднималась рука.

Синьцянь поднял глаза, вглядываясь в черты его лица.

Красота Вэньсю была неоспоримой, но по-настоящему завораживало невероятное благородство. Шоу-бизнес кишел привлекательными лицами, вот только без утонченной выправки любая яркая внешность быстро теряла лоск.

На съемках Синьцянь насмотрелся на артистов, блиставших перед камерой. Но стоит смыть грим, снять костюм и лишить их написанного сценаристами образа — и перед тобой обычный, ничем не примечательный человек.

Ли Вэньсю являл собой полное исключение. Что в кадре, что в жизни — от него невозможно было отвести глаз.

Сейчас, в обычной белой рубашке, с чуть растрепанной челкой, падающей на лоб, он задумчиво изучал ладонь Синьцяня. В его непринужденной позе сквозила аристократичная грация — чистый кадр из дорогого кино.

«Наверное, он тоже слишком погрузился в роль... Иначе с чего бы ему проявлять такую нежность?»

Выходит, Ли Вэньсю застрял в том же капкане чувств.

От этой мысли грудь затопила сладостная, тайная радость. Синьцянь с готовностью позволил продолжить осмотр.

Говорят, пальцы напрямую связаны с сердцем. Вэньсю изучал фалангу за фалангой, и при каждом движении его большой палец едва ощутимо поглаживал подушечки.

Синьцянь впервые остро ощутил, насколько чувствительна кожа: легкое касание вызывало сладостную дрожь.

Сердце забилося чаще. Свободная рука Синьцяня, мирно лежавшая на колене, сжалась в кулак.

Наконец Вэньсю слегка сжал у основания указательный палец его левой руки:

— Здесь укололся?

Царапина исчезла без следа, а он все помнил.

Синьцянь кивнул, ощутив, как дрогнули пальцы.

— Больше не болит? — поинтересовался Вэньсю, поглаживая костяшку.

Синьцянь смог выдавить ответ лишь спустя пару секунд, мотнув головой.

Ли Вэньсю кивнул, но перчатки юноше так и не отдал — принялся сам очищать раков. Сочное белое мясо горкой росло на тарелке, однако Синьцянь ел не чувствуя вкуса. Вся его голова была занята воспоминаниями об этих длинных, сильных пальцах.

В ту ночь Синьцяню приснился кошмар.

Ему причудилось, будто он превратился в рака-богомла и беспомощно лежит на гигантском блюде. Мечется, пытается перевернуться, но лишь комично сучит ногами.

Картинка сменилась: перед тарелкой возник исполинский Ли Вэньсю.

Синьцянь надрывал горло, зовя его по имени, но тот не реагировал. Ли Вэньсю лишь смотрел сверху вниз совершенно чужим, ледяным взглядом. Официант подал ему горячее полотенце, и актер с неспешной изящностью вытер руки.

А затем эти прекрасные, холеные ладони безжалостно опустились на него — и вмиг содрали весь панцирь.

Синьцянь бился в агонии, а Вэньсю равнодушно наблюдал за его мучениями.

Прижав беспомощную добычу к блюду, он ровным тоном произнес:

— А теперь я тебя съем.

Синьцянь рывком сел на кровати. Разглядев знакомую обстановку номера, он наконец перевел дух — всего лишь сон.

Но бред-то какой! Превратиться в рака, чтобы Ли Вэньсю заживо очистил его и сожрал...

Юноша уткнулся лицом в ладони, боясь даже вникать в подтекст этого кошмара. В конце концов он списал все на объедение: видимо, небеса решили покарать его за обжорство и дать почувствовать себя в шкуре съеденного.

Как бы то ни было, в одном он был уверен точно: морепродуктов ему хватит надолго.

К середине августа съемки на острове Вэйхай подходили к концу. Съёмочная группа работала в плановом режиме, добирая последние сцены.

В день завершения островного блока на площадку влетел взмыленный Гу Синье и воодушевленно крикнул:

— Проходки на Клубничный музыкальный фестиваль всем достались?

Члены группы, успевшие закончить смену, закивали.

Синье тут же подскочил к Синьцяню:

— Ты ведь пойдешь? Может, выскочишь со мной на сцену?

— На какую еще сцену? — хлопая ресницами, переспросил Синьцянь.

— Петь, разумеется! — оживился Гу Синье. — Раньше не предлагал, думал, по графику не успеешь. Но раз уж отснялся — давай оторвемся вместе!

— А ты не допускаешь мысли, — деликатно заметил Синьцянь, — что я понятия не имею, как петь твои треки?

Гу Синье обомлел.

— И что же ты тогда умеешь? — Самолюбие певца было задето, но азарт разгорелся с новой силой. Он брякнул себя кулаком в грудь: — Называй любую песню, я подстроюсь!

Синьцянь задумался и понял, что хвастать вокальными данными не может. Да и к чему непрофессионалу лезть на сцену? Он качнул головой:

— Нет, я пас.

— Ты правда бросишь меня вот так? — с наигранным драматизмом воскликнул Синье, соорудив скорбную мину. — Выступить дуэтом — это же шанс, который выпадает раз в жизни! Неужели ты лишишь нас такого момента?

Синьцянь промолчал, выразительно смерив его взглядом.

«Прекрати паясничать».

Заметив, что окружающие начинают коситься на них с любопытством, Синьцянь, желая избежать сплетен в последний день, сдался:

— Ладно-ладно, буду твоим самым преданным зрителем под сценой.

Гу Синье надулся, но, поняв, что на подмостки Синьцяня не затащить, с неохотой согласился. Впрочем, тут же заканючил:

— Тогда уговор: встанешь на самом виду, чтобы я тебя сразу заметил.

— Напялю какую-нибудь ядовитую гавайку, доволен? — фыркнул Синьцянь.

— Гавайку? — переспросил Синье, и его осенила дикая идея. — А лучше надень пестрое платье! Я куплю тебе самое аляпистое! Представь: такой верзила в платье среди толпы — даже слепой разглядит!

Синьцянь сжал кулак:

— Жить надоело?

— А если я тебя подстрахую и сам наряжусь в платье? — подхватил Гу Синье его руку, сверкая глазами.

От одного упоминания об этом у Синьцяня закипала кровь. Зная выкрутасы Синье, тот запросто мог в последний момент передумать и прийти в брюках, оставив его одного позориться перед публикой.

— Договорились, — зловеще ухмыльнулся Синьцянь. — Только учти: до завтрашнего рассвета ты не доживешь.

Гу Синье сразу сбавил обороты. Сдрейфив, он решил снизить планку требований:

— Ладно, тогда нарядись во что-то яркое! Никакого черного!

— Без сопливых разберусь, — отмахнулся Синьцянь.

— Давай я сам тебе шмотки одолжу? Мы с тобой одного роста, идеально сядет, — предложил Синье.

Синьцянь не успел и рта открыть для отказа, как вмешался Ли Вэньсю.

— В этом нет необходимости, — произнес он ровным тоном, загородив Синьцяня. — Я сам подобрал ему наряд.

Синьцянь опешил.

«Подготовил наряд? Серьезно? Почему я впервые об этом слышу?!»

— А-а, так это брат Ли у меня тебя переманил! То-то ты кобенился... — пробубнил Гу Синье, но тут же махнул рукой: — Ладно, побежал я репетировать. Увидимся завтра на фесте!

Синьцянь так и стоял столбняком, пока певец не скрылся из виду. Лишь пару минут спустя он поднял глаза на Вэньсю и с нескрываемым изумлением переспросил:

— Ты действительно собрал мне вещи?

Актер качнул головой:

— Нет.

— Тогда зачем... — нахмурился юноша.

— Захотел носить чужие обноски? — спокойно парировал Вэньсю.

До Синьцяня наконец дошло, что его просто выручили из навязчивых объятий Гу Синье. Он мотнул головой и тихо пробормотал благодарность.

— Впрочем, раз уж слово не воробей, — лукаво прищурился Ли Вэньсю, — придется сдержать обещанное.

Синьцянь выпал в осадок.

«Что-то здесь явно не так...»

На следующее утро, замаскировавшись темными очками и медицинской маской, он покорно отправился с Ли Вэньсю в торговый центр.

На острове Вэйхай в последние годы бурно развивался туризм, так что на острове выстроили гигантский современный Молл. По мере приближения Клубничного музыкального фестиваля галереи кишели стильной молодежью. Синьцянь с Вэньсю, хоть и выделялись отличным сложением, не слишком бросались в глаза.

Синьцянь терпеть не мог длительный шопинг: обычно заходил в первый попавшийся бутик, хватал нужную вещь и сразу шел на выход. Тем более рядом шел Ли Вэньсю — живой магнит для чужих взглядов, притягивавший внимание вопреки любой маскировке.

Синьцянь мечтал закончить дела поскорее, но Ли Вэньсю браковал все подряд и уперто тащил его с этажа на этаж.

На эскалаторе Синьцянь стоял ступенькой выше. Оглядывая посетителей сквозь темные стекла очков, он нервничал, словно суперагент под прикрытием. Рядом находилась кофейня со стеклянной витриной, где за столиками сидели модные девушки. При виде двух высоких фигур одна из них случайно подняла голову.

Синьцянь мгновенно подтянулся. «Узнали?! Черт, да его же боготворят даже кухарки в школьных столовых!»

У юноши не было опыта прогулок со звездами такой величины, поэтому в его голове уже разворачивался боевик: стоило ли схватить Вэньсю за руку и дать деру прямо сейчас?

Поглощенный паранойей, он проглядел конец эскалатора и, споткнувшись, налетел спиной на стоящего позади актера.

— Осторожнее, — Вэньсю подхватил его под локоть.

Опомнившись, Синьцянь отступил на шаг и принялся сбивчиво извиняться.

— Куда ты так пристально смотришь? — улыбнулся Ли Вэньсю.

— Кажется, на тебя косились... — прошептал Синьцянь, косясь на кофейню.

— Пусть смотрят, — невозмутимо пожал плечами Ли Вэньсю.

Синьцянь не успокоился. Вышли без охраны, вокруг толпа... А если начнется давка?

Актер лишь слегка подтолкнул его в поясницу:

— Зайдем сюда.

Тем временем у кофейни одна из девушек забрала поднос с напитками и спросила подругу:

— Ты чего замерла? Кого там высматриваешь?

— Да красавчики прошагали, — вздохнула та.

— Где?! Дай глянуть! — Вторая выкрутила шею, но застала лишь два высоких силуэта, исчезающих в дверях брендового магазина.

— Эх, упустила. Хотя на фестивале их сейчас полно...

— Послушай, — нахмурилась первая. — А один из них случаем не... Выглядит до боли знакомо.

— Знакомо? Ну так иди и возьми номерок!

— Думаешь, струшу?

— Так иди!

— Вот допью стакан и схожу! — девушка сделала глоток, но так и не решилась встать.

В магазине Синьцянь перевел дух, убедившись, что хвоста за ними нет. Не успел он опомниться, как Ли Вэньсю вручил ему целую охапку вещей:

— Иди, примерь.

Синьцянь окинул наряды взглядом — всё яркое, пестрое, совершенно не в его стиле. Он замялся, сжимая охапку в руках.

— Просто прикинь, — миролюбиво предложил Вэньсю. — Не понравится — отложим.

Синьцянь вздохнул и скрылся в кабинке.

Ли Вэньсю полностью продумал образ: белая майка под тонким жилетом с пальмовым принтом, а к ней — тигровые шорты со свернутыми отворотами. Сидел комплект идеально, легкий материал приятно прилегал к телу... но длина! Синьцянь привык к удлиненным бермудам до колен, а эти шорты едва доходили до середины бедра.

Разглядывая незнакомое отражение в зеркале, он смущенно попытался натянуть штанины пониже. Щеки горели от неловкости.

Застрыв в кабинке, он вызвал беспокойство консультанта, вежливо поинтересовавшегося через дверь, не нужна ли помощь. Сцепив зубы, Синьцянь напялил очки с маской и переступил порог.

Под ярким светом софитов его обнаженные руки и ноги казались ему нелепо голыми.

— Учитель Ли... — смущенно позвал он.

Ли Вэньсю обернулся. Яркий, свободный наряд подчеркивал юношескую дерзость и свежесть — комплект сидел ровно так, как актер и предполагал.

Вэньсю остался доволен, а вот Синьцянь сгорал от стыда и порывался сбежать обратно. Едва он повернулся к кабинке, как актер подступил к нему с обувной коробкой.

— Примерь под это обувь, — предложил Вэньсю.

Синьцянь опустился на пуфик.

Шорты и без того были короткими, а стоит сесть — ткань задралась еще выше, обнажая

ослепительно белую гладкую кожу бедер. В его возрасте тело было совершенным в каждой детали.

Вэньсю сдержанно отвернулся, а вот молоденькая продавщица буквально впилась взглядом в ноги юноши, не скрывая восхищения.

Взгляд Вэньсю мгновенно потемнел, и он беззвучно заслонил Синьцяня собой.

Синьцянь наклонился, натягивая носок, как вдруг Ли Вэньсю подался вперед и протянул к нему руку.

«Зачем он тянется к моим ногам?!»

Неужели актер собрался сам переобуть его?!

От подобной мысли Синьцяня обдало жаром, и он замахал руками:

— Я... я сам могу!..

Однако Ли Вэньсю лишь подхватил пальцами задравшуюся ткань и аккуратно расправил отворот шорт:

— Край замялся.

Синьцянь опустил взгляд: край шорт действительно задрался вверх, и Вэньсю бережно его разглаживал.

Синьцянь онемел.

— Готово, — актер выпрямился, убирая руки. — Обувайся.

Сжимая в пальцах белые носки, Синьцянь едва слышно выдохнул «угу». Уши и шея вспыхнули пунцовым морозным румянцем.

<http://bllate.org/book/19727/1985827>